

Наталия
Ломовская

ШАМАНСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ

ЛЮБОВНЫЙ АМУЛЕТ

Наталия Ломовская
Шаманское проклятие
Серия «Любовный амулет»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972631
Ломовская Наталия. Шаманское проклятие: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-64831-3

Аннотация

Они все прокляты – а потому не будет счастья в любви ни им, ни их детям. Сто лет назад проклял шаман потомков белого человека Гордеева, который обманул и бросил его дочь. И что же... Гордеев женился еще три раза – и все три жены умерли; от любимой дочери Риммы ушел муж; насильно разлучили с любимым внучку Нину. И вот его правнук оказался в объятиях черноглазой девушки Ады, обладающей странными способностями и имеющей странный нож. Который, кажется, руководил ее поступками. И принадлежал когда-то дочери того самого шамана...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталия Ломовская

Шаманское проклятие

*Посвящается моим родителям, Кочелaeвой Татьяне Васильевне
и Кочелaeву Александру Васильевичу.
Спасибо*

Глава 1

Широкий нож с тусклым плоским лезвием, с рукояткой из моржового клыка. Птицы на рукояти застыли в вечном полете – никогда не добраться им до виднеющихся вдали горных вершин, в наивной перспективе изображенных. На языке людей Севера этот нож называется – *улык*.

Улык – женский нож. В суровом чукотском краю, где полгода – ночь, где девять месяцев зима вынашивает тщедушное, чуть живое дитя-лето, в жилищах, пропахших приторно-прогорклым моржовым жиром, вещи испокон веков делятся на женские и мужские. Никто из мужчин не смеет коснуться вещи, принадлежащей женщине, не смеет коснуться священного *улыка*, передается он от матери к дочери, из одних рук, исколотых иглами, темных и шершавых, переходит в другие, юные, которым еще только суждено потемнеть от работы. Священным *улыком* рассекают пуповину новорожденной девочке, им же отрезают прядь из кос матери, чтобы пуповину перевязать. Вот она, настоящая связь поколений – волосы матери обвивают пуповину дочери, дочь подрастает, и вот уже ее волосы перехватывают пуповину новорожденной... И так без конца.

Когда прекрасная Гэльгана, жена охотника Акмоля, жившего в селении Янранай, почувствовала движение жизни в себе – она наточила свой *улык* и положила его в левый карман, чтобы родился мальчик. Она не лакомила прохладно-сладкой ягодой шикшей, что осенью в изобилии высыпала на пригорках, и не прикасалась к жирным *канаельгынам*, головастым бычкам, которых ловили в лагуне мальчишки. Всем известно – если женщина съест шикшу или бычка, то у нее родится девочка. Блюла она и другие, завещанные предками, перетекшие к ней по пуповине, запреты и правила: не ела сердца животного, чтобы будущий охотник не вырос трусом; отказывалась от гагачьих яиц, чтобы младенец не был плаксивым, – ведь крик гаги похож на детский плач. Да и как ей не плакать, этой глупой птице, избравшей в отчизну бесприютные, ветреные сопки! На всякий случай отказывалась и от крабов – ведь если родится девочка, то уродство краба может передаться и ей, и ходить она будет боком... Зато Гэльгана с удовольствием поедала желто-зеленые, упругие стебли ламинарии, выброшенные морем... Они пахли, как кровь. Они пахли, как жизнь. Как сила. Ребенку нужны кровь и сила, чтобы жить.

Ближе к родам Акмоль прибил к потолочным балкам яранги два ремня из сырой нерпичьей кожи. Гэльгана будет держаться за концы ремней, тянуть за них во время схваток, и это поможет ей. Вот и вся подготовка к родам, но ведь люди Севера издревле появлялись на свет так, и только так! Женщины опрастывались легко, словно моржихи, сохраняя и в потугах невозмутимое выражение лица, порой даже не выпуская из зубов трубки. А на следующий день уже принимались за обычные дела, суровые дела северных женщин.

Но Гэльгана боялась рожать. Она не была молода. Ей пора было бы уже принимать роды у своей дочери, но дочь опоздала явиться на свет. Долго у них с Акмолем не было детей, он обижался на жену и грозил привести в ярангу еще одну, молодую и здоровую женщину, чтобы та родила ему сына. Но он не бил Гэльгану и верил, что дети еще родятся, недаром

же он перетаскал шаману Ненлюму множество песцовых шкурок, табаку и сахара – пусть шаман выпросит у духов хоть одного ребенка для Акмоля! Но Ненлюм был стар, глуп и глух. Он принимал дары, вяло топтался с бубном вокруг костра, осипшим голосом выкрикивая бессвязные слова, а потом приказывал просителю:

– Ступай в свою ярангу. Духи сказали мне: не пройдет и года, как в ней закричит ребенок.

Но духи обманывали шамана, или сам Ненлюм так уже устал и насытился годами, что не понимал их слов.

Теперь Акмоль был рад. Он радовался сам и приказывал радоваться Гэльгане. Ее страх казался ему смешным. А зима в поселке выдалась голодная. Летом шторма отогнали моржей от берега, мяса добыли мало. Быстро подъели запасы, опустели *уврэны* – глубокие ямы, в которые сваливали и хранили годами туши нерп и лахтаков, а также и *копальхен*, рулет из моржового мяса и кожи. На дне *уврэна* к весне остается жижа из жира, смешавшаяся с землей, в ней порой попадаются и целые куски мяса. В бедных ярангах уже в середине зимы варили эту жижу и ели пополам со слезами. Но Акмоль был лучшим охотником и никогда не возвращался с охоты с пустыми руками, приносил хоть что-то, хоть кусок обглоданной медведем нерпушки. Он запас немало вяленого мяса. А Гэльгана, не обремененная детьми и большой семьей, могла больше времени, чем другие женщины, посвящать сбору корешков и зелени. У Акмоля в яранге осталась и настойка *нунивака*, родиолы розовой, спасающей людей Севера от цинги, и сухие стебельки дикого лука, и сладкие корни. Все жители поселка придут встречать маленького гостя – он прибудет из неведомых краев в жилище Акмоля, и всех надо будет накормить, и каждого оделить подарком, если даже ради этого придется снять последнюю шкуру с яранги. Таков незыблемый порядок.

Но все происходит иначе. Старуха Инным, мать роженицы, плачет у входа в жилище, крупные слезы наводняют высохшие русла ее морщин, мучительное горе заставляет ее скалиться сгнившими корешками зубов, голова мелко трясется. Гэльгана боялась не зря – она действительно оказалась стара для того, чтобы родить ребенка. Орган, природой предназначенный для того, чтобы вынашивать дитя, стал у нее сухим и хрупким, будто прошлогодняя трава, и ребенок, пробивая себе дорогу на свет, что-то разрушил в теле матери. Гэльгана изошла кровью – черной в полутьме яранги, пахнувшей морскими водорослями кровью. Она умерла раньше, чем Инным перевязала ребенку пуповину прядью ее волос (в прядь затесался один седой волос, недобрый знак!) и принялась окуривать его дымом тундрового мха. Гэльгана даже не успела узнать, что произвела на свет девочку, не успела понять, что умирает. Быть может, это и к лучшему – иначе она попала бы к духам предков с беспокойной душой, сетуя на свою долю, и ей нелегко было бы уходить...

Акмоль принял смерть жены примиренно спокойно, как и должно ему. Но что будет с новорожденной? Кто вскормит ее? Кто будет заботиться о ней, пока она не окрепнет? Старуха Инным припомнила, что в одной семье потерявшего мать младенца выкормили разбавленным молоком оленихи. Но стойбище оленеводов ушло с побережья далеко в тундру, до них шесть дней пути, и если и найдется там подходящая оленье матка, то девочка может не дожждаться молока.

Женщины Севера подолгу кормят детей своим молоком – пока не сравняется пять, а то и шесть весен, отнимают их от груди раньше лишь тогда, когда родятся новые дети. Когда к одной груди присосался двухмесячный, к другой – двухлетний, тогда пятилетнему места уж нет. В Янранае было несколько кормящих матерей, любая из них могла бы помочь дочери Акмоля, но скудная зима иссушила их живые источники, ни у одной не было молока, и их дети плакали от голода.

– Видно, девочке суждено уйти вслед за матерью, – вздохнула Инным.

Гэльгану одели в лучшую одежду, накрыли пыжиковым одеялом и положили на нарты. Дряхлый шаман, стараясь, чтобы голос звучал громко и слова были отчетливы, задавал уходящей вопросы, а женщины двигали нарты по снегу. Если полозья скользят легко – это значило «да», а если идут тяжело, заедают – «нет».

– Со спокойным ли сердцем покидаешь ты наш мир? Хороша ли будет охота в этом году? Хочешь ли ты быть похоронена там, где лежит твой отец?

И нарты скользили легко. Лишь когда Ненлюм спросил: «Суждено ли твоей дочери уйти вслед за тобой?» – сани встали как вкопанные, и три женщины, как ни старались, не могли сдвинуть их с места.

Гэльгану отвезли к подножию горы Ниньэннай, где был похоронен ее отец, раздели и нагую положили на землю. Теперь полагалось разрезать всю ее одежду на лоскуты, разбить и сломать все то, что покойнице полагалось взять в дальнюю дорогу: фарфоровую чашку, трубку, нож для кройки и кисет из бересты, – затем, если покойнице вздумается вдруг вернуться, ей бы пришлось сначала сшить свои одежды и починить весь скarb. А починив, она уже забудет дорогу назад и пойдет в селения духов, куда ей и следует.

Потом они собрали камни и обложили ими ушедшую. И пошли в поселок, очень довольные собой, потому что люди Севера живут не чувствами, а обычаями, а теперь обычай был соблюден, и все сделано как надо. А наутро поселок разбудил горестный вопль Акмоля. Выглянув из яранги, увидел он на снегу знакомые длинные косы...

Оголодавшие за зиму собаки отгрызли прекрасной Гэльгане голову и принесли ее к родной яранге.

Тогда Акмоль взял голову любимой жены, завернул ее в кусок оленьей шкуры и отнес обратно, на место ее упокоения.

Но вернулся он другим, не тем веселым и удачливым охотником, который плясал лучше всех, больше всех ел и побеждал молодых парней на борцовых состязаниях. Его черная голова в одночасье побелела, словно покрылась инеем. Он вернулся в ярангу, где заходила криком безымянная пока девочка, и взял в руки бубен. До самого утра жители поселка слушали песни, каких сроду никто не слышал, и жуть брала от них такая, что даже собаки замолчали и не выли, и северное сияние, показывавшее покойнице путь в селения духов, съезжилось, выцвело и погасло.

А на другой день, когда соплеменники пришли в ярангу Акмоля, он встретил их спокойно и сказал, что стал шаманом. Так горевал он по жене, что отчаяние помогло ему найти тропинку в незримый мир, где живут и боги, и духи, и души умерших. Теперь он будет помогать жителям Янраная, будет лечить их от болезней, предсказывать погоду и помогать в охоте. И янранайцы обрадовались, потому что Ненлюм был совсем плох, и от старости уже поглупел, и разучился камлат, и глаза его стали слепы, как камни на морском берегу, и подернулись бельмами, как солью. Однако напились и те, которые засомневались в способностях Акмоля, они-то и спросили у него: почему не плачет больше твоя дочь? Уж не сделал ли ты из нее *ныкат*, жертву богам?

Но Акмоль тогда показал им девочку, что спокойно спала на ложе из пыжика. Его жена, сказал он, прекрасная Гэльгана, прилетала ночью в его ярангу, обернувшись полярной совой, и кормила девочку грудью. Теперь она будет прилетать каждую ночь – он, Акмоль, вызвал ее из страны духов. Гэльгану можно видеть, она стала еще прекрасней, чем раньше, но прикасаться к ней нельзя, иначе она исчезнет, как дым под пологом яранги.

Тогда все ему поверили, ведь девочка, которую стали называть Анипой, полярной совой, росла и крепла на глазах. Сытенная девочка с полулунами черных глаз, с жесткими черными волосами, как шерстка у щенка лайки, – она принесла удачу всему поселку. Ради нее шаман Акмоль, помня просьбы и чаяния янранайцев, воззвал к богам и вымолил у них большую добычу. Он камлал день и ночь, а утром сказал соплеменникам:

– Бегите к морю и ждите.

Охотники кинулись к морю и в створе бухты, в спокойной воде, увидели фонтан кита.

Через несколько минут над бухтой стлался пороховой дым и раздавалась канонада выстрелов – стреляли из американских винчестеров. Раньше, в прошлые времена, кита приходилось убивать гарпунами, а это было небезопасно и удавалось не всегда. Теперь же гарпунами только метят кита и прикрепляют к нему кожаные поплавки, чтоб не гадать, где он вынырнет, а потом в упор расстреливают беззащитного великана...

Кита подвели поближе к берегу и разделявали прямо в воде. Люди обжирались *ман-таком* – китовой кожей с жиром. Галька на берегу стала скользкой от жира и крови. Лица у всех лоснились, глаза мутнели, мужчины, женщины и дети хмелили от долгожданного ощущения тяжести в желудке. Только Акмоль не принимал участия в разделке добычи, он прохаживался поодаль, словно радушный хозяин, до отвала накормивший гостей.

Через двое суток на берегу остались только оголенные огромные ребра – издали они были как недостроенная яранга великана. Вокруг горели костры, сытые люди сидели у огня, и шаман Акмоль совершал *ныкат* – обряд жертвоприношения. Он благодарил морских богов, китовое племя, которое помогло своим сыновьям. Ведь, по старинной легенде, их племя – племя морских охотников – произошло от женщины и полюбившего ее кита... Когда-то, давным-давно, в этих краях жила красавица – дочь белого ледяного моря. Однажды, в светлую летнюю ночь, она гуляла по берегу, ее увидел кит и влюбился в нее. Он подплыл поближе, чтобы лучше рассмотреть свою милую, и едва коснулся прибрежных камней, как превратился в прекрасного юношу. Влюбленные стали встречаться каждую ночь, а утром юноша спешил на берег, и как только его роскошные торбаса, расшитые красавицей, омывала волна, он снова оборачивался китом. Женщина родила от мужа-кита несколько китят и человеческих сынов. Сыновья подросли, охотились в море, но мать настрого запретила им трогать китов. Шло время. Женщина состарилась, сыновья ее взяли себе жен из племен, находившихся далеко на юге. Однажды, когда в море было мало моржа и тюленя, сыновья женщины загарпунили кита: они не понимали, почему их мать запрещает убивать китов, в каждом из которых целая гора вкусного жира и мяса! Утром женщина вышла из яранги и увидела на берегу голову своего мужа-кита. Она бранила своих сынов, открыла им тайну их рождения и чуть не лишилась рассудка от горя. Но ночью, во сне, ей явился дух ее мужа и разрешил своим потомкам-людям охотиться на китов, чтобы их тяжелая жизнь стала хоть немного легче...

Пятнадцать лет поселок Янранай благоденствовал. Ни разу больше не случилось там голода, миновали жителей и болезни. Эпидемия, завезенная моряками с японской шхуны, обошла все побережье, а янранайцев не коснулась. Умирали только дряхлые старики, и даже растяпа Камтын, которого сильно помял *умка-медведь*, похворал-похворал, а потом выздоровел, только стал крив на один бок. Боги прислушивались к шаману Акмолу, духи послушно являлись на его зов, хотя он не пил настойки гриба *ванак* и не курил травы *кахтх*, которая растет в двух мирах разом, в мире живых и в мире мертвых.

Шаман вымолил у богов большую удачу – неподалеку, на мысе Касан, расположилось лежище моржей. Год за годом флегматичные животные приходили на одно и то же место, словно не замечая того, что бьют их и охотники, и белые медведи. А на остатки медвежьего пиршества из тундры приходили песцы.

Впрочем, Акмоль настрого запрещал бить моржей сверх необходимого.

– Боги разгневаются, – предупреждал он соплеменников.

Боги гневались и тогда, когда охотники льстились на предложения торговцев, меняли ценный моржовый бивень и песцовые шкурки на вонючий спирт и перепивались до полусмерти. Позволялось менять товар на винчестеры и патроны, на стальные ножи, яркие ткани,

на чай и табак, на муку, белую как снег, и на белоснежный сахар, сверкающий, как наст... В поселке пили мало водки, зато все были сыты, веселы, хорошо одеты. Здешние невесты ценились по всему побережью, и даже из-за холмов приходили тундровые люди, чтобы взять себе в жены здоровую и веселую девушку из Янраная, хотя обычно оленеводы презирали *кемыльгынов* – приморских жителей.

И лучше всех была Анипа, дочь шамана Акмоля. У нее косы доходят до земли. Стан ее строен, запястья тонки. От ее бледного лица охота зажмуриться, как от слишком яркого, добела раскаленного летнего солнца. У Анипы в глазах печаль, у Анипы тень от ресниц падает на щеки, длинную шею обвивают бусы в семьдесят рядов. От Анипы не пахнет ни жиром, ни дымом – телу девочки присущ тонкий аромат свежеевыпавшего снега и цветов, тех желтых и алых цветов, что весной расцветают в тундре. Злые янранайские псы скулят, как щенки, когда видят Анипу, и готовы ползти за ней на брюхе в какую угодно даль.

Она носит праздничную одежду даже в будни, потому что не знает никакого труда. Она не носит воду, не готовит пищи, не умеет разжигать огня и не знает, как держать в руках *вык-вэпойгын*¹. Анипа только искусно вышивает бисером и оленьим волосом, ее работы ценятся по всему побережью, хотя порой она изображает невиданных животных, вещи, предназначенные которых не знает никто, и места, где никто не бывал. Говорят, что ее покойная мать все так же навещает дочь и порой забирает ее с собой, чтобы показать иные, удивительные миры. Говорят, от этих путешествий Анипа устает так, что не может делать обычной работы и не может даже расчесать себе волосы. Косы ей чешет и заплетает мачеха, глухонемая Экла.

Акмоль женился во второй раз, когда Анипе сравнялось пять весен. За шаманом послали из дальнего поселка – охотник повредил на охоте ногу, и вместо того чтобы зажить, она вся почернела. Охотник сутки напролет кричит от боли, и тело его горит, словно в огне.

Шаман не хотел ехать. Шаман знал, что вылечить эту болезнь не в его силах. Но маленькая Анипа вышла из яранги и толкнула отца в спину. Шаман посмотрел на дочь, посмотрел на посланного и сел в нарты. Когда он приехал, охотник уже умер, оставив после себя вдову. Шаман забрал ее с собой в Янранай. Звали вдову Экла, что значило «найденная», она была доброй и трудолюбивой женщиной, но глухонемой. Акмоль вез женщину в свой дом, а сам все думал – как-то примет ее дочь? Но Анипа встретила их у порога, взяла мачеху за руку и повела за собой. Экла растроганно мычала и гладила девочку по голове – она уже готова была служить ей всей своей необласканной душой, темным сердцем, древней кровью.

Экла делала все по хозяйству и каждый год рожала детей, которых, кажется, любила меньше, чем падчерицу, а Анипа только вышивала бисером да ходила на морской берег, все смотрела вдаль. Отец ее говорил, что она станет великой шаманкой, и еще – что она мечтает о дальних, прекрасных краях, где круглый год светит солнце и растут деревья, где все люди, как она, белы лицом и пахнут цветами. Она выросла странной девушкой, и многие люди говорили, что ее тень на закате не имеет вида человеческой тени, а кажется тенью огромной птицы. И к ней, несмотря на богатство ее уважаемого отца, не сватались молодые охотники – то ли боялись ее, вскормленную молоком мертвой матери, боялись ее птичьей тени, то ли не хотели себе жены, которая ничего не умеет делать... А Анипа вовсе не грустила об этом, и ни в ком не нуждалась, и любила только вышивать диковинные узоры да сидеть в одиночестве у моря...

Между тем времена стали меняться. В поселок пришла советская власть, появилось много белых людей. Выстроили магазин, школу для детей, метеостанцию, установили новые порядки. Новая власть недолго любила шаманов. Говорили, что в других поселках и стойбищах коммунисты отбирали у местных жителей бубны и изображения домашних божков,

¹ Орудие для обработки шкур (*чукотск.*).

запрещали шаманам камлать и делать *ныкат*... Но янранайцам и тут повезло – начальником к ним назначили человека по имени Иванчук.

Иванчук с уважением относился к древним обычаям. Иванчук даже прислушивался к советам Акмоля и вскоре, убедившись, что он всегда бывает прав, сделал его своим помощником. Анипу отдали в школу, но она, едва выучившись грамоте и счету, убежала оттуда и снова бродила в одиночестве по морскому берегу...

Потом Иванчук чем-то не угодил большим властям на материке, и его забрали обратно, а в Янранай прислали нового начальника. Это был совсем молодой парень с копной светлых волос на голове. Его имя было – Гордеев, и начал он с того, что взял в свой дом Анипу, дочь шамана. Он ведь не знал, что она вскормлена мертвой матерью и что тень у нее не человеческая, а птичья. Он встретил ее на морском берегу и заговорил с ней ласково, а она отворачивала лицо, но видно было, что она улыбается – на щеках играли и переливались ямочки. Тогда Гордеев взял ее за руку и привел в магазин, где велел выбирать все, что она захочет, – он, мол, все готов ей подарить. Анипа качала головой, но он все же купил ей зеркальце в богатой оправе, и яркой ткани на платье, и самую дорогую вещь, которая продавалась в магазине, которой не было даже в яранге шамана, – патефон.

Тем вечером в яранге Акмоля громко играла русская музыка. Сразу много голосов выпевали смутно понятные, грустные слова:

Дан приказ: ему на запад,
Ей в другую сторону...

Шаман прихлебывал чай с блюдечка, звучно кусал сахар и пристально смотрел на дочь.
– Этот новый начальник красив и молод. И он щедр на подарки. По душе ли он тебе?

Анипа молчала, только на щеках переливались ямочки, но шаману и не требовался ее ответ.

– Знаю, ты мечтаешь изменить предназначенную тебе участь. Я знаю твою душу так же хорошо, как свою правую руку. Ты могла бы стать великой шаманкой, проникнуть не только в тайны этого мира, но и в тайны других миров – а их так же много, как много бывает на небе звезд. Ты знаешь об этом лучше меня... Ты могла бы прожить много, много жизней... но ты избрала удел смертной женщины. Что ж, ступай, приди женой в дом этого русского. Я буду просить богов о милости для вас обоих.

Через неделю Гордеев пришел за Анипой и увел ее жить в свой деревянный дом. И она безмолвно пошла за ним, потому что полюбила его так, как никогда не любила ни свое бисерное рукоделие, ни даже море. Она повсюду молча ходила за ним и непрестанно ласкалась к нему, потеряв ту сдержанность, что отличает женщин ее народа. И он, казалось, тоже любил ее, и все в поселке довольны были тем, что новый начальник сразу же взял в жены местную девушку, таким образом сам став ближе к людям Севера.

Гордеев и правда стал своим человеком. Он сделал много полезного поселковым жителям. К примеру, установил у себя в доме специальный аппарат для производства жгучей воды и понемногу продавал ее поселковым, причем соглашался отпускать напиток в долг и все записывал в специальную тетраточку. Однажды в поселок привезли испорченные продукты – подмоченную муку и вздувшиеся консервы. Гордеев сообщил куда надо, и пришел приказ продукты списать. Янранайцы заволновались. Они уже знали, что «списать» – значит вывалить в большую яму и закопать. К чему так кидаться пищей? Они пришли к начальнику и предложили, что заплатят ему за испорченную, по мнению Гордеева, еду. Гордеев вполне согласился с местными и обменял им несколько ящиков консервов на песцовые шкурки. Мука же нужна была ему самому, ею он откармливал свиней, которых привез с материка, – диковинных и грязных животных, мясом которых чукчи брезговали.

Акмоль предостерегал и зятя, и соплеменников, но те легкомысленно отмахивались. Отчего нельзя есть эти консервы, пусть даже они выглядят не так, как обычно? Что с них будет?

И правда, ничего не было – только некоторые захворали животами, но Акмоль помог больным, и никто не умер.

Анипа ждала ребенка. С недавних пор она зачастила в ярангу к отцу, где подолгу говорила и с ним, и с мачехой Эклой. Она говорила, что боится рожать, боится, что умрет от родов, как ее мать. И в то же время ей хотелось произвести на свет сына. Интересно, говорила она, на кого будет он похож, на чукчу или на русского? Или черты разных народов смешаются в нем, как в речи самой Анипы мешаются сейчас русские и чукотские слова? Она даст мальчику русское имя – Коля, Иван или Григорий.

Так говорила она, и с грустью слушал Акмоль свою дочь, и кивала головой глухонемая Экла.

Наступило лето, пришел пароход, и вот жители поселка увидели, что муж Анипы всходит на его борт со всем своим добром и песцовыми шкурками, утянутыми в узелок. Все пришли в недоумение, потому что Анипа осталась на берегу. Но, быть может, Гордеев еще вернется за женой и ребенком, или она сама поедет за ним через некоторое время? Недаром он так долго говорил ей что-то у трапа. А когда пароход растаял в тумане и провожавшие стали расходиться по домам, все увидели, что Анипа лежит поодаль на гальке, ни жива ни мертва. Были люди, которые слышали, что говорил Гордеев жене, и вот что это было:

– По новому закону она и женой ему не считается. Он оставил ее, потому что хочет жить в большом городе, в роскошном доме, а она ему не подходит. Он поедет на родину и женится на богатой и образованной женщине.

Анипу отнесли в ярангу к ее отцу и рассказали ему все. Акмоль удивился:

– Разве моя дочь – не пара русскому? Разве она не красива, разве не любила его, как положено жене? Разве она не чинила его одежду, не готовила пищу, разве разгневала домашних богов? Разве она не носит его ребенка? Что ж, видно ему надо другого. Он ищет богатства и знатного родства. Он жадный и дурной человек, он лжет, как все белые люди.

Анипа родила девочку. Но она не хотела взглянуть на ребенка, не хотела приложить его к груди, не пила и не ела, а только лежала вниз лицом и плакала.

А великий шаман Акмоль обиделся на русского начальника и вздумал наслать на него страшный *уйвэл*².

В ту ночь снова не спал поселок, снова слышались из яранги шамана навевающие жуть песни, и тосковало сердце у того, кто мог разобрать слова:

А-хай! Кэй-ко-кэй-ко-ахх!
Воззрите на меня, о боги!
Злой человек, пришлый чужак, обидел меня!
Обидел мою дочь и дочь моей дочери!
Кровь ее горит от тоски, и ноет сердце.
Покарайте его, о боги!
Пусть не будет ему ни дня, ни ночи!
Пусть пища ему будет горька, а вода не утоляет жажды!
Пусть злые духи кэле вцепятся в тело его!
Пусть жизнь его будет жалкой, а смерть ужасной!
А-хай! Кэй-ко-кэй-ко-ахх!

² Проклятие, порча (чукотск.).

Но шаману мало было жизни одного обидчика – он призвал *уйвэл* и на все его потомство до третьего колена.

А-хай! Кэй-ко-кэй-ко-ахх!
Все они будут прокляты, каждая капля гнилой его крови!
Дочь моя обернется птицей!
Каждого из потомков его настигнет ее мщение!
У его дочерей она отберет возлюбленных,
Погубит его сыновей, превратившись в смертельно
прекрасную деву!
Покуда любовь продают за деньги,
Будут слова мои в силе!
А-хай! Кэй-ко-кэй-ко-ахх!

И сыпались под звон бубна проклятия на древнем языке, и слышался плач, а еще – хлопанье огромных крыльев.

Наутро же те, кто пришел к шаману, были очень удивлены. Анипы не оказалось в яранге, и никто нигде не мог ее найти.

– Напрасно будете искать ее. Она обернулась птицей и улетела мстить своему обидчику, – сказал Акмоль. – Ее дочь вскормит Экла.

И Акмоль закинул голову вверх, в голубое небо. А там кружила белая полярная сова – *анипа*.

Глава 2

В детстве все казалось необыкновенным. Тихое волшебство было в том, как падает снег, как сияет солнце, магическое очарование таилось в звуках музыки, а музыка жила в огромном полированном ящике, и мама умела извлекать ее оттуда тонкими пальцами. В детстве была мистически огромная квартира с высокими потолками, заставленная великолепно тяжелой, темной мебелью. Бирюзовым потоком лились с карнизов бархатные шторы. А зеркало в гостиной было как колдовское зеленоватое озеро, и плавало там отражение маленького человека с огромными шоколадными глазами.

Маленький человек, любивший волшебство, часто и подолгу болел. Его прохватывал самый легкий сквознячок, и вечер, когда приходила с работы мама, был уже отмечен колючим ознобом. Неприятно предвкушая грядущую церемонию измерения температуры и укладывания в душную мягкость постели, Сережа иной раз прятал термометр – когда в монументальный комод, когда и в сырой сумрак под ванной. Но термометр неизменно находился, или в крайнем случае бывал одолжен у соседей, и клевал подмышку холодным серебряным носиком.

– Тридцать семь и пять десятых, – грустно и деловито говорила мама и укутывала Сережу одеялом по самый подбородок. – Завтра придется с тобой дома сидеть, горе ты мое луковое...

В этих словах Сереже привычно слышался упрек, и он начинал тихо хныкать, в душе, однако, чувствуя щекотную радость. Радость оттого, что завтра не нужно будет идти в детский сад, предвкушение волшебного дня, пусть и отравленного простудной мутью, но с мамой, с мамой!

В детском саду, стоит заметить, никаким волшебством и не пахло! Совсем наоборот – пахло всякой дрянью. Неизменно – хлоркой из уборной. И почти неотличимо – скользким супцом, которым кормили на обед, серым киселем, застывшим в кружке пылью, скукой, от которой посерели и запыхались даже золотые рыбки в аквариуме, а стекло самого аквариума покрылось буро-зеленой слизью.

Воспитательниц было две. Валентина Вениаминовна, которую, разумеется, звали Валентиной Витаминановной, была молодой и безразлично-доброй. Она разрешала брать все игрушки, шуметь, на голове ходить – как высказывалась нянечка, не настаивала на том, чтобы питомцы доедали противный обед... В общем, обращала на детей мало внимания, а сама чаще всего читала толстые книги без картинок.

Зато вторая – Евгения Ивановна – была просто невыносима! Пожилая, толстая, она двигалась с потрясающей легкостью, и ее повсюду сопровождал кислый дрожжевой запах. Эта воспитательница охотно применяла к детям все ей известные педагогические приемчики и совершала все мыслимые педагогические ошибки. Почему-то она считала, что детям для полного счастья необходима частая смена занятий и впечатлений. И как же Сереже бывало мучительно, когда, только-только на влажном, твердом листе картона засияют нарисованные им лазурное море и берег цвета яичного желтка – оставлять все это, идти на прогулку, или играть в одну из бессмысленных «развивающих» игр, или махать руками под радостную музыку, и никак ему не понять было, в честь чего такая радость и почему никак нельзя попасть в такт глупо подпрыгивающей мелодии. Еще Евгения Ивановна с удовольствием привечала ябед и с удовольствием карала озорников. Наказывала она своеобразно и изобретательно – уличенному в шалости предлагалось некоторое время постоять посреди игровой комнаты с поднятыми вверх руками. Через несколько минут поза переставала быть удобной, поднятые руки наливались чугушной тяжестью, держать над головой их становилось все трудней и трудней, а опустить страшно, а тут еще любопытствующие мордашки

друзей и недругов... Наконец доведенный до отчаяния шалун разражался ревом, и с этой минуты он считался раскаявшимся.

В общем, детский сад был невыносим, а болезнь выглядела просто спасением. И еще – шансом подольше побыть с мамой. Мама тоже была частью заколдованного мира. Во-первых, она была очень молодая, совсем как девчонка. И еще красивая, совершенно непохожая на других мам. Те были толстые, усталые, крикливые. А Сережина мама была тоненькой и звонкой, как фарфоровая пастушка из сказки Андерсена, она всегда ходила на высоких каблуках, и от нее пахло цветами. Сережа чувствовал – куда бы они ни пошли, на маму все оглядываются, любят ее. Только для него мамы было всегда мало. Она училась – это называлось «аспирантура», любила ходить в театр и в гости, любила принимать гостей у себя... И только во время Сережиных болезней принадлежала ему целиком.

Как-то он заболел особенно серьезно. Грипп дал осложнение, обернулся двусторонним воспалением легких. В больницу ребенка решили не помещать, но с неотвратимым постоянством два раза в день на дом приходила медицинская сестра и приносила в чемоданчике то, что было страшнее липкого озноба и изнуряющего кашля, – маленький прозрачный шприц. У этой аккуратненькой сестрицы была легкая рука, она колола совсем не больно, но Сережа содрогался только от одного вида шприца и долго потом не мог успокоиться. Если бы не это – хворать дома было бы просто чудесно, и когда болезнь уже совсем прошла, Сережа наотрез отказался идти в детский сад.

Нет, он не кричал, не плакал и не топал ногами. Он ведь был очень воспитанный и сдержанный ребенок и потому спокойно и серьезно поговорил с мамой. Мама должна была понять. Ему в детском саду плохо и скучно. Там играют в глупые игры, водят парами на прогулку и заставляют делать зарядку под дурацкую музыку, от которой только одна тоска. Пусть ему позволят оставаться дома одному. Он уже вырос, будущей осенью пойдет в первый класс. Он знает, что нельзя открывать газ, нельзя играть со спичками, нельзя отворять чужим дверь и выходить на балкон... Мама выслушала и кивнула. Она ничего не сказала, но определенно оценила Сережин спокойный тон, его резонные доводы и была готова ему помочь.

– Я должна посоветоваться с отцом и с бабушкой, – сказала она, поцеловала его на ночь в голову и ушла, оставив включенным ночник.

Ах да! Были же еще отец и бабушка! О них-то мы и забыли. Впрочем, так им и надо. Им обоим всегда было не до Сережи. Бабушка даже не велела называть себя бабушкой, настаивала на имени – Римма. Римма, кроме того, что она являлась бабушкой, была еще – врач и профессор. Но она не принимала детей в соседней поликлинике, а делала операции в институте. Это дома называлось «пропадать», так что бабушка у Сережи была совсем пропащая.

– Целыми днями пропадаю на работе! – восклицала Римма в телефонном разговоре.

– Мать опять пропала, – вздыхала мама, косясь на часы.

А когда Римма не «пропадала» в институте, то все равно была занята. Это означало, что она сидела в своей комнате, курила сигареты и читала скучные книги с кровавыми картинками, или слушала музыку, или писала что-то, и ей нельзя было мешать.

Отец... Да что ж отец! Он, как и все отцы, был очень занят на работе, а когда приходил домой – Сереже говорили, чтобы не шумел, потому что папа отдыхает. По воскресеньям иногда ходили в зоопарк или в цирк. Но, в общем, папа был как у всех.

Вечером состоялся разговор, к которому Сережа прислушивался из своей комнаты. Он знал, что подслушивать нехорошо, но ничего с собой поделать не мог. Тем более что разговор принял вовсе не тот оборот, на который Сережа рассчитывал! Сначала долго звучал папин голос, он упоминал «упорядоченные занятия» и «подготовку к школе». Это было кое-как понятно. Потом бабушка заговорила о непонятном. Потом они говорили все разом, и опять стало ничего не понятно. А вот потом...

Нет, он, конечно, не рассчитывал, что мама будет все время дома, с ним. Но где-то в глубине своей детской души в это верил, как верят в чудо... А тут такая оказия!

Утром вся семья пришла к Сереже с дипломатической миссией. Да, они прислушались к его словам. Что ж, если он не хочет – может в детский сад не ходить. Но, к сожалению, один дома он тоже оставаться не может. Ни в коем случае. И никто из членов семьи не в состоянии составить ему компанию. Все они работают. Поэтому пусть уж он подумает как следует и согласится (напряжение нарастало) на НЯНЮ!

Слово было непривычным, но знакомым. У Пушкина была няня Арина Родионовна. Она рассказывала ему сказки, он предлагал ей: «Выпьем с горя, где же кружка». Значит, няня – это не так уж и плохо. Может быть, она будет похожа на настоящую бабушку, какие водятся у других детей. С другой стороны, недавно Сережа читал книжку про Карлсона. У Малыша тоже была няня – фрекен Бок. И ее никак нельзя было назвать приятной личностью. Конечно, она умела печь плюшки, и вообще там было много забавных приключений, но у Сережи нет знакомого Карлсона, а фрекен Бок без Карлсона будет слишком тяжелым испытанием... Рассудив так сам с собой, продравшись сквозь дикую мешанину, составленную из Пушкина, Арины Родионовны, ключницы Прасковьи, фрекен Бок, детсадовской скуки и остаточной болезненной слабости, Сережа вздохнул и согласился на няню.

Четыре дня, пока искали няню, он оставался в квартире один – то есть, конечно, под сменяющимся надзором старших, то и дело забегающих с работы, но фактически – один, ему ни капельки не было страшно. Наоборот, Сережа чувствовал себя свободным. От равнодушного надзора воспитательниц, от шума и гама нелюбимых сотоварищей, от необходимости принимать участие в «упорядоченных занятиях», большей частью скучных. Именно тогда, проводя дни в одиноком и блаженном заключении, он и придумал свою любимую игру. Игру в принца, заточенного в замке. Игру, составленную из всех прочитанных сказок. Злой колдун замуровал маленького принца в неприступной черной башне, чтобы самому править страной. Но принц не навеки останется ребенком. В один прекрасный день он вырастет, наберется сил, сломает черную стену, и выйдет на свет, и помчится на белом коне по цветущему лугу, и встретит девушку, которая умеет летать, прекрасную принцессу Птицу. Она самая красивая на свете, она всегда улыбается, никогда не обзывается и не показывает язык.

Играть так было приятно, и он даже огорчился, когда наконец нашлась подходящая няня. Хотя она Сереже, вопреки ожиданиям, понравилась. Она была молодая, наверное, как мама, и такая же красивая. Только в отличие от мамы она никуда не спешила, у нее были спокойные серые глаза, от нее приятно пахло чем-то теплым и сладким, и руки у нее были мягкие. Няню звали Галина Тимофеевна, но они сразу договорились, что Сережа будет звать ее просто – Галина. И он стал называть ее так, а потом и няней Галей, Галечкой, Галочкой...

Зажили они славно. Теперь Сережа гораздо больше бывал на улице. Они с Галиной гуляли по городу. Она всегда покупала ему мороженое и жареные пирожки, похожие на смятые ботинки, – ни мама, ни бабушка никогда не разрешали ему есть на улице! Галочка занималась с ним – правда, он уже умел хорошо читать и писать, но простейшее арифметическое действие казалось мальчику сложнейшим ребусом. Она знала много загадок и логических задач, знала сказки и истории, которых не прочитаешь в книжке, а когда Сережка капризничал, отказывался от овсянки или не мог решить задачку, няня Галя рассказывала ему о своей дочке. Она очень красивая, добрая и послушная девочка. Она никогда не хнычет, любит кашу и слушается маму и бабушку. Сейчас, правда, только бабушку, потому что живет у нее, в другом городе, но скоро приедет, и тогда Галя их познакомит.

– Я не дружу с девочками. Они дразнятся.

– Ну-у, Дашенька не будет дразниться. Вы обязательно подружитесь!

И в глазах у няни Галечки загорались лукавые огоньки, как обычно у взрослых, когда они говорят с малышами о девчонках.

Незаметно подошел Новый год. Скатился с ледяной горки на саночках, прилетел озорным снежком, выбился веселыми искрами из-под чьих-то рискованных коньков. И заиграл на почтовом рожке. И замигал иллюминациями. Предыдущий праздник Сережа помнил смутно. Ему не понравилась елка в детском саду. У Деда Мороза была довольно-таки грязная борода из ваты, кисло пахнувшая красная шуба, и вообще это оказалась переодетая Евгения Ивановна. Кукольное представление оказалось малышное. В подарок Сереже досталась совершенно никчемная губная гармоника из пористой пластмассы и конфеты в бумажном мешочке, которые оказались твердыми, старыми и невкусными. И еще сильно жали новенькие ботинки. Так что в этом году он, несмотря на уговоры родителей, наотрез отказался почтить своим присутствием елку во Дворце пионеров – маме на работе выдали приглашение. И тогда отец подошел к вопросу иначе.

– Я тебя вполне понимаю. Елка в этом так называемом дворце – довольно скучное мероприятие, так что не настаиваю. Но я вот достал для тебя приглашение в наш театр юного зрителя. Это главная елка в городе, и я думаю, тебе стоит туда пойти. Даже если ты настолько взрослый человек, что не понимаешь удовольствия кружиться в хороводе, то спектакль тебе уж наверняка понравится...

Этот аргумент на Сережу подействовал. Театр он обожал, и родители одобряли и поддерживали это пристрастие. Вернее было бы сказать, что мальчик забывался, глядя на сцену, он легко увлекался и не замечал границы между вымыслом и жизнью. Даже само освещение, которое медленно гасло перед началом спектакля, даже раздающиеся из-за кулис голоса, даже обязательная последовательность звонков – как они волнуют, аж сердце екает! – могли ввести Сережу в настоящий транс. Но относился он к театральному действу не по-детски серьезно.

Сережа отверг мамино робкое предложение нарядиться мушкетером или гномом. Что он, маленький, что ли? Да и не вокруг елки он скакать идет, а смотреть спектакль. Он повторил, словно бы гордясь этим: «Смотреть спектакль». Ему и на этот раз удалось отстоять свою позицию. Мама одела его, как взрослого человека – черные брючки с отглаженной стрелкой и черный свитер с белыми ромбами на груди, пригладила его светлые кудри.

– Совсем жених, – рассмеялась она и обняла сына. И Сережа тоже засмеялся и обнял ее. Они некоторое время постояли так – неудобно и приятно.

– Дед Мороз все равно ненастоящий, – шепнул Сережа отцу, едва они, чуть припоздав, вошли в зал, где уже сияла елка, слышался топот множества маленьких ног и фальшиво-радостные голоса взрослых.

– Само собой, – серьезно кивнул отец. – У настоящего, я полагаю, сейчас много дел...

Мальчишка покосился на отца, но ничего не сказал. Кружиться в хороводе ему не хотелось, не хотелось декламировать под елочкой стихи и прыгать наперегонки с крикливой тетенькой, наряженной зайцем, но он с удовольствием рассматривал ярко украшенный зал и сверкающую елку. Это помогло ему скоротать время до начала спектакля. Отец наблюдал за ним с тонкой улыбкой. Нет, это надо же, как подросток пацан! Скакать вокруг елки ему уже неинтересно...

Представление вновь увлекло Сережу так, что он обо всем забыл. Слегка приоткрыв рот, он следил за разворачивающимися на сцене событиями, пока его не отвлек навязчивый звук рядом. Судя по всему, шуршала фольга от шоколадки. Сережа с досадой покосился на соседа-сладкоежку и забыл о спектакле. Рядом с ним сидела девочка удивительной красоты, больше всего похожая на картинку с конфетной коробки. У девочки был пухлый ротик, большие глаза, затененные мохнатыми ресницами, и золотистая коса.

– Хочешь? – прошептала девочка, по-своему истолковав Сережин взгляд, и протянула ему на ладони шоколадную дольку.

Сережа принял угощение, но не съел, а незаметно, как ему казалось, сунул в карман брюк.

– Какой ты смешной! – хихикнула девчонка.

– А у тебя коса, как у Снегурочки, – не остался в долгу Сережа.

Она залилась клубничным румянцем и отвернулась, а он снова уставился на сцену, где бегала, размахивая картонными крыльями, девушка в маске совы. Но о соседке Сережа забыть не смог, то и дело косился на нее. Кокетливая вертушка чувствовала внимание соседа и старалась как могла – надувала губы, хлопала ресницами, поправляла падавший на лоб завиток, хохотала, по-взрослому закидывая голову, и к концу представления совершенно очаровала Сережу.

По окончании спектакля в зале и фойе образовалась сутолока, уставшие малыши стали плакать. Отец быстро отвел Сережу в гардероб, и он потерял из виду ту хорошенькую девочку. Выходя из двери, Сережа думал, что никогда ее больше не увидит, и нащупывал в кармане брюк липкий кусочек шоколада.

– Пап, а кто там?

– Где?

– Да вон! Это Галочка?

– Что ты, сын... Это не Галина Тимофеевна, ты ошибся.

Может быть, Сережа и ошибся. Ему показалось, что неподалеку, размноженную зеркалами, одевали ту самую красивую девочку, и одевала ее именно его няня, Галя! Он узнал и ее вьющиеся волосы, и манеру прижимать подбородком шарф, застегивая «молнию» на куртке. И даже то, как она устраивала на голове у девочки пуховый беретик, было Сереже знакомым! Он ощутил укол ревности, но тут отец взял его за руку. И повел по ледяной улице, и он забыл, что видел свою няню, потому что еще не знал, что взрослые могут врать.

А вот девочку он не забыл, но мысли о ней не были грустными. Он нашел себе подружку для своих одиноких странствий по придуманному миру! Теперь Сережа будет все время думать о ней, о принцессе Птице, спасти ее из рук разбойников, мчаться с ней в карете по волшебному лесу, танцевать на королевском балу...

Ночью, когда он уже крепко спал, мама взяла брючки и свитер, лежащие на стуле, – хотела повесить в шкаф и нащупала в кармане подтаявший кусочек шоколада. Укоризненно покачив головой, она отнесла его в мусорное ведро, а брюки принялась застирывать.

Новый день принес новые чудеса. С самого утра дома наряжали елку, и какое это было счастье! Вначале мохнатое, душистое чудо долго оттаивало в прихожей, потом отец установил елку на грубо сколоченной крестовине, а дальше уж явилось самое главное – с антресолей достали две коробки – и одна из них была круглая, словно из-под торта («мамина шляпная картонка» – называла ее Римма). Из них явились настоящие драгоценности, забытые за год шары, звезды, хрупкие фигурки – снеговичок, зайчик, старик Хоттабыч. Нашлись какие-то белесые бусы с подвешенной к ним фигуркой совы – на фоне сияющих украшений они выглядели совсем некрасивыми.

– Ах, а это как здесь оказалось? – удивилась Римма. – Смотри, Сережик, это сестра милосердия, а где-то есть и казачок ей в пару. Очень старые. А вот настоящий чайничек с крошечной ручкой и тончайшим носиком, а вот снегирь, ручной работы, с алой грудкой... Мой отец особенно этого снегиря любил и говорил, взяв его в руки:

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?³

³ Стихотворение Г. Р. Державина «Снегирь».

– Да, всю жизнь я коллекционировала елочные игрушки, – продолжила она задумчиво. – Это так странно и так прекрасно – коллекционировать хрупкость... А до нее – ее мать их собирала. Посмотри-ка, Анечка, эти картонажи твоя прапрабабушка покупала, в известном магазине Мюра и Мерелиза, папа мне рассказывал. А еще она и сама делала игрушки – вот этого херувима...

Херувим был толст и походил на соседского персидского кота. Сереже больше нравилась раззолоченная китайская пагода из тонкого стекла. И ночь напролет потом снилось ему, что красивая девочка, имени которой он не догадался узнать, живет в этом золотом дворце.

* * *

О том, что ему придется ходить в школу каждый день, исключая воскресенье, Сережа и раньше знал, но не мог себе представить, что это будет отнимать так много сил и времени. А ведь еще были домашние задания! Математические задачки, которые учительница так бойко решала, стуча мелком по доске, дома казались непреодолимыми, навевали дремоту и вязли на зубах, точно мармелад. Буквы же прописей уплывали куда-то за пределы тетрадного листа, не слушаясь мальчика. У Сережи совершенно не оставалось времени на игры – на те странные, только ему понятные и зримые игры, которые взрослые люди скорей называли бы мечтами... И это было больно, но не больней, чем расставание с Галечкой.

Сколько было слез, когда он узнал, что Галина больше не будет появляться в их доме! Не сдержавшись, он заплакал при всех. Глядя на него, прослезилась и няня:

– Милый мой, ну что ты так расстроился! Ну не надо, не надо... Ты будешь ко мне в гости приходить, а я – к тебе. Договорились?

Но из этого уговора ничего не вышло. У Сережи больше не было времени для того волшебного мира, который так занимал его душу до школы. Утром – уроки, потом еще нужно делать домашние задания, а тут его еще стали учить музыке...

Огромный полированный ящик, давно дремавший в бабушкиной комнате, открыли, и он показал Сереже свои черно-белые зубы. Гаммы звучали робко и неуверенно, и это тоже служило поводом для огорчения. Сережа охотно согласился учиться музыке, потому что хотел играть, как мама – волшебные пьески, яркие и звонкие песенки. А оказывается, для этого надо долго учиться, долбить гаммы до головной боли, выворачивать пальцы...

– Стерпится-слюбится, – блистала почерпнутой у Даля народной мудростью Римма.

И действительно, кое-как слюбилось. Музыка давалась Сереже легко, сказались врожденные способности. Да и в школе дела пошли на лад. Нет, он так и не нашел приятелей среди одноклассников, зато открыл для себя новую, жгучую радость – быть лучше всех, быть первым в учебе, чтобы учительница вызывала его и говорила:

– А вот теперь Сережа Акатов покажет нам, как решается эта задача!

Он был первым, он был вне конкуренции на всех уроках... Кроме уроков физкультуры. Как же мама возмущалась, вернувшись с родительского собрания, где учительница зачитала нормативы:

– Нет, что это за варварские процедуры? – выйдя на середину комнаты, воскликнула она. – Вадим, ты только подумай: он должен пробежать один километр за пять с половиной минут! Кинуть мяч на двадцать семь метров!

– Не вижу ничего сверхъестественного, – промямлил отец, из-за газетного листа оглядывая хрупкую фигурку сына. – Мальчишки вообще быстро бегают и... М-м... Далеко кидают мячики.

– Да? – снова воскликнула мама. – А ты – нет, ты отложи, пожалуйста, газету! Ты отожмешься от пола пятнадцать раз подряд?

– Я? – удивился отец. – Ну что ж, пожалуй...

Мама вырвала газету у отца из рук.

– Вперед!

– Что – вперед?

– Отжимайся! А мы будем смотреть и считать!

Отец попытался обратить все в шутку:

– Анечка, после плотного ужина врачи не рекомендуют физкультурные упражнения. Знаешь, сегодня были такие вкусные котлетки...

– Обычные были котлетки. Куриные. Не пытайся подлизываться. Я не шучу. Вперед и с песней!

Все так же посмеиваясь, отец неловко опустился на ковер и начал отжиматься.

– Раз, два, три... – подпрыгивая от восторга, принялся считать Сережа вслед за мамой.

Но досчитать пришлось только до восьми. Папа выдохся, лег ничком на ковер и запросил пощады.

– Вот видишь! – торжествуя заметила мама.

– Да, я что-то не в форме, – вздохнул отец, усаживаясь обратно в кресло и смущенно потирая ладони. – А Сережке сколько надо отжаться по этим их...

– По нормативам? Пятнадцать раз!

– Кошмар какой, – снова вздохнул отец и потрепал сына по спине. – Ну, ты уж держись, мужичище... Как-нибудь.

Так оно и шло – «как-нибудь». Правду сказать, мало кто из их первого «А» класса мог пятнадцать раз отжаться, нормативы были явно завышенными – неизвестно, кто их придумал! Поэтому над Сережей особенно не смеялись. Зато как невыносимы были эстафеты, командные спортивно-военные игры, какой апокалиптической бессмысленностью отдавали они! Сережа неизменно сбивался, путал задания, путался в собственных ногах, обутом в новенькие кроссовки, спотыкался, разбивал колени и, конечно же, подводил всю свою команду, которая потом награждала его презрительными рекомендациями и унижительными прозвищами!

Болел он по-прежнему часто, и только болезни плюс последующие освобождения от физкультуры служили ему отдушиной. Совершенно внезапно на защиту ненавистных уроков встала Римма.

– Лично я, как врач, стою за уроки физкультуры, – строго заявила она родителям. – Лично я не вижу ничего хорошего в том, что он у нас такой субтильный!

– Мне кажется, мамуля, ты всегда была поборницей чисто гуманитарного воспитания, – хихикнула мама. – Нам с Ниночкой ты всегда записки в школу писала, чтобы нас освобождали от уроков физкультуры, помнишь?

– Еще бы не помнить! – хмыкнула Римма. – Но вы – девочки, у вас в жизни другая миссия. Если ты помнишь, неблагодарная дочь, я же вас сама и научила специальной гимнастике, поддерживающей фигуру. И ты до сих пор ее делаешь! Как, собственно, и я. А мальчик у нас растет тепличный. Я не говорю о том, чтобы воспитать из него атлета, но он должен уметь красиво двигаться и иметь хоть какую-нибудь мышечную массу! Иначе он так и не выкарабкается из болячек и с возрастом обрстет лишним жирком!

Отец нахмурился и почему-то втянул живот.

– Но я не вижу выхода... – начал он.

– А я вижу, – сказала как отрезала Римма Сергеевна. – Запишем его в секцию легкой атлетики, пусть занимается.

Мама театрально покачнулась, якобы собираясь упасть в обморок.

– Такие нагрузки! А он справится? Школа, музыка...

– Справится! – уверенно ответила бабушка Римма и обратилась наконец к самому Сереже: – Как ты полагаешь?

Сережа только плечами пожал. Лучшими минутами в его жизни были те, когда он залез в кресло с книгой и его оставляли в покое... Но насмешки в школе больно ранили его самолюбие, и он сказал:

– Можно попробовать.

Записываться в секцию Сережа отправился самостоятельно. В рюкзаке у него лежала записка, написанная маминым ломким почерком по листу бумаги в клеточку. Но как-то вышло, что он не пошел прямо в спортивный зал, а не спеша потащился по коридору Дворца пионеров и вдруг услышал звуки вальса, раздающиеся из-за плотно прикрытой двери. Не совладав с любопытством, мальчик заглянул в щелку.

За дверью был слабо освещенный зрительный зал, пустой. Только в первом ряду сидел человек. Звуки вальса неслись из небольшого магнитофона, стоявшего перед ним на столе. А на сцене танцевала пара – девочка в чем-то воздушном, розовом, на взрослых высоких каблучках, и мальчик в черном костюме, с гладко зачесанными рыжеватыми волосами. Им было лет по десять-одиннадцать, но они показались Сереже очень взрослыми и необыкновенно красивыми. Человек в первом ряду смешно размахивал руками и покрикивал на танцующих:

– Темп, темп держим! Леночка, спинку! Соберитесь, ребята, вам завтра выступать!

Тут Сережа почувствовал, что кто-то хватает его за шиворот, и понял, что возвращающиеся с тренировки ребята собрались проделать с ним старую и довольно жестокую школьную шутку, когда уличенного в подглядывании вталкивают в кабинет – на позор и поношение. Понять-то он это понял, но предпринять для своего спасения ничего не успел – как пулька из игрушечного пистолета влетел он в зал и шлепнулся на пол. Сережа попытался тут же выскочить обратно в коридор, но куда там – дверь придерживали снаружи, оттуда слышался смех и голоса.

Тем временем музыка смолкла. Танцевавшие ребята и тот, что размахивал руками, наверное, их тренер, уставились на него. Девочка засмеялась, но как-то не обидно.

– Ты кто? – строго обратился к Сереже тренер.

– Я... Сережа, – окончательно смешавшись, ответил мальчик.

– Вот как? Любопытно. А что же ты делал за дверью, Сережа? И как тут оказался?

– Меня мальчишки втокнули. А я не намеревался вам мешать. Я просто хотел посмотреть.

– Не намеревался? – повторил за Сережей тренер. – Хм-м, вот какая оказия... И что же – посмотрел?

– Посмотрел.

– И как?

– Красиво, – искренне признался Сережа. – Очень красиво.

– Ты находишь? Да ты, я вижу, ценитель...

В голосе тренера насмешки не слышалось, и Сережа приободрился.

– А скажите, пожалуйста, это трудно – научиться так танцевать?

– Серьезный вопрос, – тренер наклонился к Сереже поближе, и мальчик увидел его веселые глаза. – Пожалуй, что довольно трудно. Но возможно. А тебе хотелось бы?

Сережа кивнул.

– Тогда попросись у родителей, чтобы тебя записали в кружок бальных танцев. Меня зовут Валерий Маркович. Запомнил? Придешь?

– Я постараюсь, – промямлил Сережа. – А вы тренер?

– Я учитель, – значительно ответил Валерий Маркович и сразу же забыл о мальчике. Он нажал кнопку на магнитофоне, и из динамиков снова потекла мелодия вальса, юная пара танцоров заскользила по сцене. Сережа понял, что ему пора уходить.

Дома он заявил, что будет заниматься бальными танцами, а вовсе не какой-то легкой атлетикой, потому что еще неизвестно, что это за атлетика, а бальные танцы – это красиво!

Мама едва отговорила его прямо сейчас мчаться к Валерию Марковичу и записываться в кружок бальных танцев. Она убедила Сережу, что нужно посоветоваться с отцом и с бабушкой, и, «если они не будут против»...

Разумеется, они не были против, а Римма так даже очень обрадовалась. Уже лежа в постели, Сережа слышал разговор из соседней комнаты, в котором выделялся ее мягкий, низкий голос:

– Все-таки у нас чудесный, необыкновенный мальчик. Какая утонченная душа, какая тяга к прекрасному... Других детей из-под палки заставляют, а он попросился сам. Ну какой необыкновенный мальчик...

«Разумеется, – с гордостью подумал Сережа. – Заколдованный принц из волшебного королевства...»

И заснул.

Глава 3

Вадим Акатов курил на лестничной клетке. В свое время, когда он вселялся в эту квартиру, требование тещи «вынести курение за пределы жилой площади» только позабавило его. Он не сомневался – пройдет некоторое время, и ему будет позволено курить, скажем, в кухне. Как-нибудь само собой так получится. Но просчитался. А ведь мог предположить, что так и будет, что в этой семье матриархат, но был влюблен, как мальчишка...

Анна Лазарева училась на факультете иностранных языков в педагогическом институте. Факультет занимал старинное здание в историческом центре города, а неподалеку располагалась галерея магазинов, в просторечии называемая «кишкой». Там и работал Вадим – товароведом в магазине верхней одежды «Белочка». Само собой разумеется, студенты часто перебегали дорогу, но заглядывали в основном в «Гастроном» – за кефиром и пряниками, и в «Кулинарию», за пирожными. Анечка, как потом выяснилось, к сладкому была равнодушна, зато питала болезненное пристрастие к мехам. Она заходила в «Белочку» и надолго застывала перед витриной с шубами. Две продавщицы, вечно скучающие, похожие, как близняшки, девицы с одинаковыми пергидрольными прическами, привыкли к ней, даже перекидывались словечком и разрешали ей примерять роскошную доху из голубой норки, которая зависла в магазине ввиду своей непомерной цены.

Доха была Анечке велика. Худенькая девочка просто тонула в ней, из рукавов виднелись кончики розовых пальчиков, из-за высоко поднятого воротника странно мерцали глаза с расширенными зрачками. У нее были темно-русые волосы, черные ресницы и брови, красиво изогнутые, очень заметные на бледном лице. Рот у нее был крупный, со странно расплывшимся, как после плача, контуром, и по вечно обкусанным губам можно было понять, что девушка очень нервна. Она могла бы, наверное, целый час простоять в магазине перед зеркалом, любуясь собой, но вот из здания факультета доносилось дребезжание звонка, и Анечка снимала шубу. Глаза ее гасли, плечики опускались, и она уходила.

Вадим влюбился.

Он решил подойти к ней, заговорить, – девушка даже не посмотрела на него. Он пригласил ее в кафе – она пожала плечами. Не красавец, старше ее, неповоротливый, даже уже начал лысеть, так чем он мог прельстить красоточку-студентку? В ее годы влюбляются в кудрявых однокурсников с гитарой... Но Вадим не отступал. Через три месяца Анечка дрогнула – когда Вадим показал ей два билета на концерт заезжей звезды. Влетели ему в копеечку эти билеты, но когда речь идет о всей будущей жизни, скупиться не следует!

С концерта Аня позволила проводить себя домой. Они прощались у подъезда, и Вадим, презирая себя за ребячью нерешительность, соображал – поцеловать ее? Или пока не стоит? И вдруг с балкончика прямо над ними раздался женский голос – красивый низкий голос, как темный, теплый мед, в котором, однако, попадались иголки иронии:

– Анна, что же вы стоите у подъезда, как подростки? Поднимитесь, угости своего кавалера кофе...

В огромной квартире с натертым до золотого сияния паркетом Вадим растерялся еще больше. Таких домов он еще не видел и не знал, что в них можно жить. Разве живут в музеях? Ему было страшно взяться за ручку-петельку тонко расписанной кофейной чашечки, ему нравился запах свежесваренного кофе, хотя вообще-то он кофе не жаловал – горечь одна, тем более что положить в чашку сахар Вадим тоже постеснялся. Он любил очень сладкий чай с молоком, и чем больше емкость, тем лучше! Совсем недавно Вадим прикупил для своего домашнего обихода огромные чашки, красные с золотыми петухами, вот это вещь! И Галке понравились...

Вадим родился в глухой пензенской деревеньке. Мать трудилась птичницей на ферме, отец работал трактористом и крепко попивал, так что еще подростком Акатов сбежал в Верхневолжск. Потому что не хотел работать ни механизатором, ни трактористом, не хотел возиться в грязи и навозе, не хотел пить вонючий мутный самогон и круглый год ходить в сапогах... Он надеялся на лучшую участь, он хотел учиться в институте, хотел пристроиться на сытное местечко, жениться на городской девушке с жилплощадью.

Когда Вадим заканчивал восьмой класс, его мать поехала навестить своего среднего сына, Игоря – тот сразу после армии женился и осел на побережье теплого моря. Поехала мать и не вернулась – только письмо прислала. Так, мол, и так, решила остаться, внучат нянчить. Дом тут большой, сад, хозяйство... А муж пусть как сам хочет, да и сынок уже взрослый. Вадим сильно тогда обиделся на мать и, едва окончив восьмой класс, уехал в город – в чем был, с картонным чемоданишкой, в котором громыхали новые ботинки. В Верхневолжске у него была родственница, первая жена отцовского брата. Его давно уже не было в живых, а до того, как погибнуть при исполнении воинского долга, родной, но незнакомый Вадиму дядя успел жениться еще пару раз, так с чего мальчишка решил, может рассчитывать на расположение давно оставленной этим дядей женщины? Но оказался прав: Дарья Ивановна приветила его как родного, наказала звать себя тетей Дашей. Она была одинока. Бодрая, живая, как ртуть, старушка, хотя и была давно на пенсии, но все еще работала библиотекаршей в школе. Она завивала и подкрашивала синькой седые волосы, одевалась элегантно – строгие черные и синие платья, старомодные лакированные туфли, шляпки... крахмальные, кружевные воротнички она закалывала красивой брошью с рельефным женским профилем.

– Это называется камей, – объяснила она племяннику при первом же разговоре, заметив, что он глаз не сводит с необычной безделушки. – Старинная вещь, настоящая драгоценность. Досталась мне от бабушки.

Вадим только кивнул, но простые слова тетки вызвали в его душе целую бурю эмоций. Его, деревенского мальчишку, поразило то, как она просто сказала о том, что вещица дорогая. Сказала ему, чужому, в сущности, человеку, которого видит в первый раз, которого знать не знает! Какая она... доверчивая. Совсем не знает жизни. Да за ней самой глаз да глаз!

Они зажили ладно. Помогали друг другу, как могли, кое-как перебивались на зарплату Дарьи Ивановны. Вадим пошел учеником на завод, потом его призвали в армию. Дарья Ивановна проводила его, даже всплакнула.

В армии Вадиму понравилось – там все было ясно, все понятно, и кормили по часам. Командир даже советовал Акатову стать военным, предрекал ему блестящее офицерское будущее, но тот только скреб пятерней в стриженном затылке. Это сколько ж надо служить-то, пока до, скажем, генерала дослужиться, а сладко пожить теперь уже охота! Нет, в жизни надо определиться по-настоящему!

Вадим демобилизовался и поступил в институт, хотя сам не очень-то верил, что сможет, что мозгов хватит. Выручило его упорство и особого рода, крестьянская, от корней, сметливость. Выбрал институт себе по плечу – сельскохозяйственный, факультет технологии кожи и меха. Знакомые говорили, что специальность это престижная, с такой не пропадешь. Но уже и стипендия стала подмогой, Акатов если и не был в первых рядах, то и не прогуливал, не отсыпался с похмелья на «камчатке», не отличался в студенческих гулянках, не водился с нехорошими девушками. Дарья Ивановна гордилась им... Жаль только, что она не дождалась, когда Вадим получит свою престижную профессию. Вадим заканчивал институт, когда ее не стало. Но тетка успела прописать племянника в своей квартире. Таким образом, мечта Акатова начинала сбываться...

Он хлопотал, чтобы устроить похороны по-людски, и все переживал, что никто из родни не проводит Дарью Ивановну в последний путь – не телеграфировать же отцу в деревню! Да и жив ли был отец, не допился ли за эти семь лет до смерти, не угодил ли

по пьяному делу в пруд на своем тракторе, не угорел ли в собственной избе от не вовремя закрытой выюшки? Этого Вадим не знал и знать боялся. Перелистал старенькую записную книжку тетки и нашел-таки один телефон – старой ее подруги Нади, живущей в маленьком военном городке километров за триста от Верхневолжска. Вадим позвонил, и ему откликнулся сочно хэкающий басок. Подруга посокрушалась, пожаловалась на дороговизну перелетов, но обещала быть на похоронах. Такое дружеское рвение показалось Вадиму подозрительным, и не напрасно!

Надя, старая приятельница покойной (в сущности, давно уже бабушка Надя), приехала не одна. Да ее и одной-то было многовато! Невероятно полная, с усами, как у Буденного, слезливая и шумная, она к тому же прихватила с собой внучку Галочку – дескать, покойница носила ее на руках «во-от такусенькую». Галочка, вернее, целая Галина была рослой барышней с выраженными формами. Истинная причина приезда Галочки выяснилась во время поминального обеда, и тут было не без подвоха.

– Умерла, умерла наша Дашенька Ивановна! – причитала подруга Надя, беспрестанно промокая слезящиеся глаза салфеткой. – А ведь обещалась о Галочке позаботиться! Иной раз скажет: и не грусти, Надюша, и голову не ломай, как надо будет Галочке поступать в институт, нехай приезжает и живет, сколько хочет! Не в общежитие ж ей идти-то, девочка домашняя, тихая, стеснительная, а там, поди, хабалки одни, обижать ее станут!

«Такую, пожалуй, обидишь!» – хмыкал про себя Вадим, украдкой рассматривая статную Галочку. Неужели она только что со школьной скамьи? А смотрится вполне созревшей девицей и совсем не тихой, не стеснительной!

«Симпатяшка, – любовался Акатов. – Впрочем, в юности они почти все симпатичны. К тридцати годам расплывется, обабится... Вон у бабуси-то какие усищи, прямо как у Буденного! А глаза синие, томные. Тоже, наверное, хороша была в молодости!»

– Ах ты ж, Галюнюшка моя, куда нам теперь податься? Что ж ты, Дарья моя Ивановна, еще не пожила на белом свете?

Вадим сидел, как на раскаленных углях. Он не мог понять, что связывало тихую, деликатную, интеллигентную тетку с этой разбитной, наивно-нахальной бабищей. И как ему теперь быть, как реагировать на все эти «тонкие» намеки? Послать бы эту парочку куда следует... Но что, если Дарья Ивановна и в самом деле что-то там обещала своей старой подруге? Не будет ли это неуважением к памяти покойной? Да и сама Галюнюшка... Гм... Ничего себе девка. Грудки крепенькие, как репки...

Простонародная честность боролась в Акатове с простонародным же стяжательством, и первая победила.

– Я что же, – пожал он через силу плечами. – Пускай приезжает, живет, сколько надо. Если для учебы... А места хватит, комнаты-то две.

А сам подумал в ужасе – да что ж я такое несу, остолоп? А если бабуса эта усатая тоже с внучкой сюда переедет, последить там за ней, чтоб... «не обижали»? Он же этого не переживет!

– Ой, да я даже не знаю, – делано растерялась подруга Надя. – Вроде как неловко, девке-то с холостым мужчиной в одной квартире жить. Или как, ничего? По нынешним-то временам не осудится?

– Ничего, – согласился Вадим.

– Ничего, – эхом отозвалась Галя и этак повела плечиком, круглящимся под тонкой батистовой блузкой, что у Акатова в горле пересохло.

– Ну, ничего так и ничего! На бухгалтера будет Галюнюшка учиться, мы все ведь бухгалтера – и мать ее, и я до сих пор работаю... Так нехай она приедет?

– Нехай, – вздохнул Вадим.

Накануне Галочкиного приезда он, хоть и делал перед самим собой вид, будто сердится, все же прибрал и обиходил теткину квартиру. Окна и полы вымыла за небольшую денежную мзду соседка снизу, очень молодая и очень некрасивая мать-одиночка, а хозяин возился по мелочам – снял со стен и спрятал многочисленные фотографии неведомых теткинх родственников, собрал вообще все теткины платья, туфли, пальто, шарфики и отдал все той же соседке, предложив, что пригодится, взять себе, а остальное раздать подъездным старушкам либо выбросить. Немногие ценные вещи: два истертых обручальных кольца, одно теткино, другое ее мужа, дешевенькие сережки с красными камушками, брошку с камеей, лежавшие в палехской шкатулке, – он припрятал в шкаф. Хотел было собрать и куда-нибудь устранить фарфоровые фигурки, которые в изобилии украшали все горизонтальные плоскости теткиной квартиры, – всех этих сытых мопсов, увесистых балерин, пионеров, узбечек, унылый выводок слоников с отбитыми хоботами, но вспомнил коровьи очи Галочки, ее сдобные плечики и передумал, оттащил все безделушки в комнатку, предназначенную квартирантке. Квартира была удобная – самое то, чтобы жить двоим и даже не встречаться, так называемая «чешка». В середине кухня, направо большая комната, налево – поменьше. Меньшую он и отвел Галюне и обустроил, как мог, даже вытащил из запасов Дарьи Ивановны пожелтевший тюль и развесил, по своему усмотрению, на карнизе. Оказалось, угодил.

– Ой, как красиво, – вздохнула Галя, встав на пороге отведенной ей комнатки. – Это вы для меня так все устроили? Вот спасибо. А я вот... Возьмите...

Она тыкала Вадиму в руку купюры, свернутые в плотный рулончик.

– Это еще зачем?

– Это за квартиру, а как же...

Он хмыкнул и сунул деньги обратно – Галочке в потную ладошку.

– Еще чего! Ну ладно, ты отдыхай, располагайся. Я на работу.

Он не помнил, чтобы пожалел о том, что пустил в дом эту девчонку. Галина, несмотря на свое капитальное телосложение, была тихая, как мышка, и очень застенчивая. Зато варила отличные красные борщи, весело поддурманивала по утрам блинчики, жарила картошку по-деревенски – на сале, с лучком, умела печь пироги. Пироги у нее не просто пеклись или жарились, а млели, и нежная мучная пыльца покрывала их мягкие, сочные бочка. Возьмешь пирожок – и на пальцах остается эта самая легчайшая пыльца... Через некоторое время Вадим обнаружил, что они уже вовсю ведут совместное хозяйство. Это было удобно – сам он как-то не научился готовить, мог только утром яичницу сварганить, в иное время жил на подножном корму. А теперь благодать, теперь совсем как в деревне, когда мамка еще с ними жила! Тогда они питались просто, но добротно. Галя смогла угодить на его вкус, и теперь он только приносил домой продукты, а то и сама Галочка притаскивала домой тяжелые сумки, рассказывала ему, распределяя продукты в холодильнике:

– С утра пошла за мясом, купила бараньи ребрышки. Будет плов. Взяла сгущенки, а вот стирального порошка мне не досталось, зря давилась в очереди.

– Я достану, – кивал Вадим. – Мыло есть?

– Есть пока. Туалетной бумаги бы хорошо.

– Сделаем...

Такой вот бытовой, почти супружеский разговор. Вадим на тот момент уже работал в торговле, уже повязан был сетью незримых нитей со своими многочисленными коллегами, уже осваивал тонкое искусство «ты – мне, я – тебе». Ничего, жить можно. Галочка, кажется, искренне восхищалась его коммерческими дарованиями, превозносила до небес, как хозяина и добытчика, и это было приятно. Вадим вообще привык к ней, как привыкают к предметам домашней обстановки – например, к комфортабельному креслу. Жизнь с Галочкой оказалась удобной и целиком его устраивала, они жили, как родственники. Она словно заменила ему

тетку Дарью Ивановну, по которой он не переставал тихонько скучать. У них не было одного – общей постели.

На Акатова стали обращать внимание девушки. Вернее, он сам повернулся лицом к слабому полу, а чего ж? Отслужил, отучился, зажил самостоятельно, скоро пора семью завести, так надо же погулять, чтоб было что вспомнить? Общительные и бойкие девицы из сферы обслуживания охотно сводили знакомство с серьезным кавалером, который не охальничал, не напивался, приглашал на кофе с пирожными в приличные кафе и даже дарил цветочки, а уж это по нашим развращенным временам – «ва-аще»!

Так что плотские радости Вадим добирал на стороне, да и то порой призадумывался. Стоит ли тратить время, деньги и силы, если дома тебя ждет такое прелестное, кроткое, готовое к любым уступкам существо. Но... от добра добра не ищут, правда ведь?

Все изменилось почти против его воли. Он крутил роман с молоденькой продавщицей из соседнего отдела – она была миленькая, капризная и меркантильная девчонка. Долго-долго она Вадима не подпускала к себе, и он уже начал изводиться, мужское самолюбие не давало отступить, и он пообещал себе непременно добиться этой вертушки. Акатов водил ее по ресторанам и иной раз, терзая ножом зажаренную до кондиции подошвы отбивную, смертельно тосковал по Галочкиным воздушным котлеткам, подавлял зевоту и изжогу от шампанского. Но инстинкт охотника гнал его вперед, и вот наступил наконец тот вечерок, когда продавщица согласилась заглянуть к нему на чашку чая. Вадим в тот вечер был хмелен – и от выпитого вина, и от предвкушения долгожданной победы, так что сам факт присутствия в его квартире Галочки как-то испарился у него из памяти. Он вспомнил о ней, только расплачиваясь с таксистом. Его спутница стояла поодаль, покачивалась на высоких каблучках, и при свете фонаря выглядела весьма соблазнительно в своем полупрозрачном шифоновом платице.

«А, была не была! – решил Акатов. – Галя, наверное, уже спит. Двенадцатый час, а она рано ложиться. Да и потом, что тут такого? Кто она мне? Не жена и даже не сестра. Квартирантка, да еще и на моих харчах!»

Но, оказывается, его гостя полагала иначе. Она вошла в квартиру, пила шампанское (и куда только в нее лезло, ведь собирались, кажется, пить чай), кокетничала с Вадимом, а потом попросилась в ванную. Он проводил ее и быстро принялся стелить постель. Девица вернулась быстро, он даже не ожидал.

– Ты что, женат? В твоей ванной сушится кружевной лифчик, пятый номер, и полно косметики!

Ну уж, так и полно! Стоял там какой-то лак для волос, заваливающий, отечественный, да косметический набор, который он же, Вадим, подарил Галочке на 8 Марта! И потом – какая ей разница, этой свистульке, женат Вадим или нет, он же ее не замуж зовет! Он не давал ей никаких обещаний, не собирался на ней жениться, следовательно, ее и не могло оскорбить кружевное женское белье в его ванной...

– Успокойся, котенок. Это лифчик и косметика моей квартирантки. Не кричи так, она, должно быть, спит давно.

Но вздорная девица уже раздухарилась. С чего бы это, шампанское, что ли, ей в голову ударило? Размахивая руками, как ветряная мельница, что-то возмущенно пища, она вырвалась в коридор, обула свои парнокопытные туфли – а у нее, оказывается, тонкие кривые ножонки! – и удалилась, грохнув дверью, оставив Акатова в недоумении. Что она так завелась? Черт, а он-то, дурак, раскатал губу!

Вадим выключил свет и снова повалился на диван. Он уже начал засыпать, уже нахлынула теплая волна дремы, смывая досаду, как вдруг скрипнула дверь. Это была Галочка, кто же еще? Мягко белея в темноте ночной рубашкой, она подошла к дивану.

– Я слышала шум... Это я виновата, да? Я вам мешаю. Ваша невеста...

– Какая там еще невеста, – прошептал Вадим, стряхивая с себя остатки хмельной дремоты. – Иди-ка сюда. Ты почему босиком? Озябнешь!

Какое там «озябнешь»! Ночь была тропически душная, градусов тридцать, и ни сквознячка, ни ветерка! Но Галочка охотно юркнула в постель – только ахнули восхищенно пружины матраса – и даже натянула на себя простыню. Впрочем, она не намерена была разыгрывать из себя недотрогу.

В сущности, между ними почти ничего не изменилось. Они все так же вели совместное хозяйство. Галя готовила, стирала, убирала, Вадим приносил в дом деньги и добывал дефицитные продукты, а дефицитом теперь стало все. Они даже не спали вместе – ласки заканчивались, Галочка бежала в душ, а оттуда в свою комнатку, спать. Казалось, это устраивало обоих. О чувствах между ними разговора не было. Да и какие там чувства? Сошлись, потому что так сложились обстоятельства.

– А ведь я не знаю, что она там себе думает, – говорил себе Вадим порой. – Может, надеется стать тут полноправной хозяйкой и законной женой. Ну, не теперь, а со временем... Тут, голубушка, ты промахнешься, у меня другие планы. Поди, родственники, когда тебя сюда посылали, имели свои виды. Галка, говорят, смотри, не зевай, парень видный, при деньгах, при квартире...

И вот теперь появилась Анна, осветила его жизнь лихорадочным светом своих глаз. Девушка из хорошей семьи. Девушка, на которой можно и нужно жениться. Вадим обомлел, когда узнал, кто ее родители. Оба известные врачи-кардиологи, отец, правда, живет в другой семье, а мать работает в местном НИИ кардиологии, куда со всего Союза люди едут! Римма Сергеевна оказалась стройной, изящной дамой с гладким лицом. Она не ждала гостей, но, когда дочь с «кавалером» вошли в квартиру, встретила их при полном параде. На ней была узкая черная юбка, белая блузка, а на ногах – не расхристанные шлепанцы, а туфли, черные лодочки без каблука. И Вадиму не предложили разуться, не кинули к его ногам истертые тапочки... Он пил кофе из крошечной, видно, старинной, чашечки, и мать Анны занимала его беседой. Он ухмылялся про себя, чувствуя, как хитрая женщина прошупывает его в разговоре, пытается понять, что он есть, подходит ли он ее дочери? Римма Сергеевна («бога ради, просто Римма!») еще не успела прийти к какому-либо заключению, а Вадим уже знал – эта женщина станет его тещей. А Анна, соответственно, – женой. Это будет достижение, эту вершину стоит покорить!

Но не так-то это оказалось просто. Судя по всему, он заслужил не самую высокую оценку Риммы, недаром в ее прозрачных, насмешливых глазах виделось ему короткое словечко: «торгаш». Клеймо. Приговор. Он недостойн Анечки, не будет достоин даже в том случае, если бросит к ее ногам доху из меха голубой норки, да что там – все меха мира! И деньги тут не помогут. А как обидно – он ведь делал ставку именно на свои коммерческие способности, на умение «вертеться», которое так ценится повсюду, да хоть в его родной деревеньке!

Деньги у него были. Он научился их зарабатывать. Ухаживая за Аней, Вадим времени не терял – место товароведа в магазине сменил на должность эксперта при небольшой меховой фабрике. Разумеется, кое-какие из его махинаций не были бы одобрены законом, но... Денежки-то в карман бегут! А потом собрался с силами, нашел компаньона и открыл кооператив. Выпускал недорогие и модные шубки из натурального меха, их охотно раскупали. Шубы, разумеется, были негодяшенькие. Поставщики темнили, ворс со шкурки сыпался, дворовые шарики и мурки косились на обладательниц модных новинок, но... Люди, измученные скудным казенным ассортиментом и годами дефицита, и тому были рады. Кооперативы, они все так работают, и никто не жалуется, население даже песенки сочиняет: «Что это за шарфик, как же он красив! А кто все это сделал? Кооператив!»

Глава 4

Миновала зима, городская весна уронила на теплеющий асфальт с бегущим по нему первым жучком-«солдатином» свои тополиные серьги, наступило лето. Вадим встречался с Анной время от времени, но не подвинулся ни на йоту – в его активе было только несколько поцелуев да ласковое словечко, которым она как-то с ним обмолвилась. А летом, после сессии, она уехала куда-то отдыхать, и Вадим не видел ее почти месяц. Он уже готов был отступить – что ж, не вышло, не срослось, нужно искать новый вариант. Собирался даже и сам поехать отдохнуть к морю, в одиночестве. Не Галочку же с собой тащить, в Тулу со своим самоваром не ездят!

Но прежде чем взять отпуск, собрался-таки с духом и позвонил Анечке. Трубку взяла Римма и заговорила неожиданно приветливо:

– Ах, это вы, молодой человек? Хочу вас побранить по-матерински. Куда же вы запропали? Нельзя так, Вадим. Анюта приехала две недели назад и вся извелась, вашего звонка ожидаючи. Позвать ее? А зачем? Приходите к нам к обеду, да и дело с концом!

Он обрадовался такой метаморфозе, купил на пышном летнем базаре два букета и помчался к Лазаревым. Но Риммы дома уже не было, она ушла в свой институт. Его встретила Анна. Она очень изменилась за то время, пока он ее не видел. Солнце расцеловало ее до пряничного закала, личико округлилось, опростилось, на носу высыпали крошечные конопушки, глаза, обрамленные выгоревшими ресницами, глядели по-детски. И губы обкусаны, и желтоватый синяк на загорелом предплечье... Такой простой, такой близкой, как ромашка на лугу, она была в своем желтеньком сарафанчике, что Вадим смог затормозить только в сантиметре от пропасти – он чуть не назвал ее Галочкой...

И не только внешне изменилась Анна. Вадим раньше и не знал, что она умеет отвечать на поцелуи, что губы ее могут быть так горячи... Что ж, говорят, разлука усиливает любовь. Значит, правду говорят. Эти горячие, обкусанные губы, эти глаза, что с каким-то отчаянием смотрят в его глаза!

– Ты будешь моей женой?

Он спросил и смутился – слишком уж выпренне, неестественно прозвучало.

Анечка чуть отстранилась, глянула на запыхавшегося жениха сквозь стрелы опущенных ресниц. И сказала фразу, которая привела его в восторг. Право же, необыкновенная девушка! Так отвечали своим старорежимным ухажерам только какие-нибудь графини, эдакая Наташа Ростова! Она сказала:

– Поговори сначала с мамой.

Он и опомниться не успел, как оказался женатым. Все устроилось так быстро! Ему не терпелось вступить в права мужа, а невеста и ее мать со снисходительными улыбками потворствовали ему. Подали заявление, заказали небольшой банкет, сшили для Анечки красивое платье. Он купил ей и будущей теще роскошные подарки – шубы. Анне – чернобурку, Римме – песца. Пусть носят, знай наших, и не вороти личика от «торгашей»!

И только когда он приволок домой мягкие тюки с шубами, Галочка вышла ему навстречу из кухни – в ситцевом халатике. Она любила ходить дома босиком, и Вадим впервые обратил внимание, какие у нее некрасивые ступни – крупные, простонародно-костистые, с выдающимися у больших пальцев желваками.

– Галя, я... – сказал он и осекся. Он совсем забыл!

Забыл сказать ей, что женится. Вообще как-то запамятовал о том, что она у него есть. Так привык, что перестал замечать. А ведь только месяц тому назад ночевал у нее...

– Галь, я женюсь.

Она прижала к груди поварешку. Колени у нее подогнулись, Галина села прямо на пол и заплакала.

– Ну, чего ты... Ну, брось!

– О-ой, Вадик! А я-то как же?

– Чего ж – ты, – пожал плечами Акатов. Он действительно пока не понимал сути претензий. – Здоровая молодая девка, ко мне никаким местом не приросла. Найдешь себе еще, и получше меня. Так?

– Так, – некрасиво, по-деревенски хлюпая носом, согласилась Галочка. – Только я думала...

– Ну, это уж твое дело, чего ты там себе думала! А я тебе ничего не обещал, и о любви между нами разговору не было.

– О-ой, Вадик!

– Да не вой ты! Галь, я ж тебя не выгоняю на улицу. Я у жены буду жить. А ты оставайся. Доучишься, поедешь обратно в свой этот, как его... Живи пока.

– Вадик...

– Да перестань меня так называть!

– Вадик, у меня ребеночек будет.

– Ребе... Чего-о? Как же это вышло?

– Я не зна-а-аю, Ва-а-дик!

И снова ревет, разливается.

Да, вот это была новость так новость. Вадим сел на корточки рядом с Галиной.

– Срок у тебя какой? Может, ты ошиблась? Ты у врача-то хоть была, деревня?

– Не была пока, нет...

– Так пойд, пока не поздно! Сделай там, чего надо, я тебе денег дам.

Тут она взвыла так, что у Вадима заложило уши.

– Да ты что орешь-то? С ума сошла?

– Я бою-юсь! И ребеночка жалко!

– Ну вот – жалко ей. А куда ты денешься с ним, а? Тебе доучиваться нужно, а потом тебя с маленьким ребенком ни на какую работу не возьмут. Всю жизнь себе поломаешь, дурында! Этого хочешь?

Она отчаянно замотала головой.

– Вот так вот. – Вадим действовал решительно. Вынул из кармана носовой платок, протянул Гале. – Ну, утри глаза, высморкайся. И пойд, покормишь меня. Что варила на обед?

– Суп... с фрикадельками...

– Давай сюда свои фрикадельки несчастные...

– Спасибо тебе, – сказала Галя, когда Вадим не без удовольствия дохлебал суп. Ничего такой, наваристый.

– Да тебе спасибо!

– Нет, ты не так понял. Спасибо, что на улицу не гонишь.

– Ну, что ты, – благородно покивал Акатов. – Я ж не изверг какой. Оставайся, живи, сколько хочешь. Но если собираешься рожать, то лучше уезжай сразу. Галина, у меня теперь семья. И я не смогу...

Он дал Гале денег и позабыл о ней снова, как забывал все время до этого.

Сыграли свадьбу, и Вадим переехал к жене – таково было условие Риммы. Ей не хотелось выпускать Анечку из родительского гнезда.

– Если появится маленький, девочке будет трудно учиться, – пояснила она свою позицию.

Не вполне понятно, чем она могла помогать дочери, если сама с утра до вечера, а иной раз и с вечера до утра, пропадала в своем институте, приходила хмурая, усталая и сразу валилась спать. На самом деле она просто боялась остаться на старости лет одна. Акатов это понимал, но возражать не стал. Себе дороже.

Анна действительно сразу забеременела. Вот странно – узнав о том, что Галочка «в положении», Вадим ощутил только брезгливость, а теперь был даже, кажется, счастлив. Жена переносила свое положение тяжело, что-то у нее в нутре было не в порядке. Однажды утром она откинула одеяло и испуганно вскрикнула. На простыне были кровавые пятна, и в тот же день Анну положили на сохранение.

Больница была далеко. Каждый день Вадим с тещей собирали пакет питательной и легкой домашней еды – бульон, паровые котлеты, – и он ехал на другой конец города, сначала в промерзшем трамвае, потом две остановки на автобусе. К Анне его не пускали – дескать, карантин. Она только выглядывала из окна своей палаты на втором этаже, Вадим видел ее бледное лицо, припавшее к холодному стеклу, и чувствовал жалость к ней и страх за ребенка.

Как-то раз Акатов долго ждал автобуса и замерз. Ветер бросал в лицо пригоршни сухого снега, морозная взвесь мешала дышать, проникала даже под дубленку. Казалось, воздух уплотнился и съежился, и никак не получалось сделать ровный, спокойный вдох. Серая одинокая птица тоскливо прижималась к стволу голого тополя, будто тоже устала ждать какого-то своего вороньего транспорта. Разбитые стекла остановочной будки обостряли чувство заброшенности и усиливали ощущение холода. Обрывки газет носились по кругу, и трудно было сложить целое слово из разорванных, разбитых букв: «Ускор... перест... нов... мы...» И машину поймать тоже никак не удавалось, бомбилы этот район не любили.

«Пора, пора обзаводиться собственным автомобилем. Посмотрим, как закроется следующий месяц, и возьмем иномарку. Многие не ездят зимой. Дураки. Интересно, кто родится? – размышлял Вадим. – Анютка молчит, только улыбается загадочно. Ей, наверное, хочется девочку, помощницу. Мать, помнится, все вздыхала: одни, мол, пацаны, помощи по хозяйству не дождесси. Будет у меня уж совсем бабье царство. Посмотрим. Почему же так мерзнут ноги? Потому что я до сих пор хожу в осенних ботинках».

Он задумчиво рассмотрел свою ступню в щегольском узконосом ботинке. Припомнил – где-то были и зимние, в прошлом году покупал. «Ленвест», хорошие ботинки. Да где же они? А-а, вот в чем дело. Ну да, как же он мог забыть.

Подождал автобус, но Вадим поехал не домой и не на работу, а на свою прежнюю квартиру. За зимними ботинками, дорогими, прочными – продукция первого в стране совместного советско-германского предприятия!..

Вадим открыл дверь своим ключом и тут же понял, что Галина дома. В кухне горел свет, а у порога жались сапожки. Правда, сапожки какие-то странные – войлочные, фасона «прощай, молодость». Неужто же Галину вздумала свизитировать ее бабушка, памятная Вадиму «подруга Надя»? Акатова передернуло – представился вдруг родственный скандал в лучших деревенских традициях: «Обрюхатил девку-то, оха-альник, женись таперича!» Но нет, не то.

Галочка вышла из кухни. Она здорово изменилась – пополнела, смазливое личико расплзлось, как масленичный блин, глаза сонные, мутные...

Она очень изменилась, но Вадим пока не мог понять, в чем дело. Поэтому сказал:
– Привет.

И спросил, указывая на «прощай, молодость»:

– Ты что же, не одна?

Глупо прозвучало, словно заподозрил ее в том, что она водит к себе мужиков. Но Галина правильно поняла, ответила:

– Это мои. У меня ноги распухают.

Только теперь до Вадима дошло. Она была в последнем градусе беременности.

– Ты что? – только и выдохнул Акатов. – Ну, ты даешь, подруга...

– Вот так вышло, – даже как-то весело развела она руками, и Вадим вдруг почувствовал ее силу и правоту. Галина стояла перед ним, толстая, цветущая, этакая богиня плодородия, и больше не боялась его гнева, не боялась, что он выставит ее из квартиры, потому что домом ей была вся земля, вся Вселенная. И он сдался перед этой торжествующей тучностью. Он только спросил:

– Тебе деньги нужны?

Галина улыбнулась, глаза прояснились, бровки-коротышки подпрыгнули вверх.

– Я не гордая, возьму. Все стало так дорого. Карточек мне без прописки не полагается, а без них совсем тяжело.

Ах да, карточки, припомнил Вадим. Так называемые «визитные карточки покупателя», или просто «визитки», предоставляли право коренным верхневолжцам и жителям области приобретать восемнадцать видов товаров – начиная с мяса и заканчивая мебелью. Их нужно было где-то получать, куда-то ходить, стоять в очереди... Кажется, он пренебрег этой бесценной возможностью. Как же Галина живет, на каких харчах? Но разве это должно его волновать? Он так много сделал для нее – позволил жить в своей квартире и не берет за это ни копейки. Даже сам дает ей денег, вот!

И он действительно дал ей денег. И согласился выпить с ней чаю. К чаю были пряники, по названию мятные, на деле каменные. Должно быть, из стратегических запасов.

– Что ты собираешься делать дальше? – поинтересовался максимально отстраненным тоном, чтобы Галина поняла – он никакого отношения не хочет иметь к ее будущему ребенку. Предупреждал ведь!

– Может, домой вернусь, – пролепетала она, комкая в кармане халата злосчастные купюры, выданные ей Вадимом. – Мои не знают ничего. Не представляю даже, что мать скажет... И бабушка...

– Не съедят же они тебя, – усмехнулся Вадим.

– Так-то оно так, но... У нас там с работой совсем плохо. Все закрыто. Мать на бирже труда стоит, живут на пособие и на бабушкину пенсию. О-ох!

– Ты чего?

– Живот прихватило, – Галина попыталась улыбнуться, но у нее плохо получилось. – Извини. Наверное, съела что-то не то.

– Ничего, не страшно, – ответил Вадим, соображая, что ему вроде бы пора уж и убраться восвояси. Но как уйти? Вон она как зажалась, сидит на табуретке, согнувшись, лицо виноватое, на лбу выступили крупные капли пота. И внезапно вскочил, пораженный догадкой: – Слушай, а тебе уже не пора? Того?

– Нет! – вскрикнула Галя, и в ее глазах плеснулся такой страх, что Вадим понял, что ей действительно «пора того», и она сама прекрасно об этом знает.

– Так, я вызываю «Скорую».

– Я боюсь, – жалобно пропищала Галя, и ее слова напомнили Вадиму, как несколько месяцев назад он предлагал ей избавиться от ребенка, а она ответила ему точно так же – боюсь, дескать. Смешные бабы! И так – боюсь, и этак – боюсь.

– Чего уж теперь, – пробормотал он, вышел из кухни и тут припомнил, что телефона-то в этой квартире нет. Значит, придется стучаться в соседнюю квартиру. – Я к соседям, вызову «Скорую» от них.

– Вадик, у меня уже все прошло!

– Как же, рассосалось! – с досадой парировал он. – Дурында...

Соседка, та самая некрасивая мать-одиночка, что когда-то мыла в квартире Акатова окна, восприняла визит Вадима с нескрываемым восторгом.

– Галочке пора пришла? Да, так примерно она и считала! Делилась со мной, да... Конечно, звоните. А вы, верно, квартирантку свою проведать зашли?

«Морда противная, голосок ехидный, – про себя отметил Акатов, накручивая диск древнего телефона. – Не иначе, Галина проболталась. Между бабенками такое заведено. Тем более, эта – мать-одиночка, мужененавистница. Усядутся вечером и начнут «делиться», весь род мужской сволочить. Ну и плевать».

Когда он вернулся, Галина все так же сидела на табуретке, но у ног ее уже стояла небольшая сумка.

– Собралась уже? Молодец. Сказали, сейчас приедут за тобой.

– Вадик, не уходи, – прошептала сквозь сжатые зубы Галина. Ее, видно, снова скрутило. – Вадик, не бросай меня, мне страшно...

– Ну-ну, как же я тебя брошу, – успокоил ее Вадим, а на душе у него было смутно. А что, если Галку отвезут в тот же родильный дом № 3, где лежит Анна? И как Вадим тогда будет ее... Да не ее, а их – навещать? А если они познакомятся, не ровен час, да начнут «делиться»? Бр-р-р!

Но его опасения были напрасны. Приехавшая машина «Скорой помощи» – старая, разбитая, громыхающая на ходу, – повезла Галину не в новую, оснащенную современным оборудованием «трешку», а в печально известную «Варламовку», «Варламовский» роддом.

Купец Варламов, богатейший волжский рыботорговец, задумал выстроить себе роскошное жилье, настоящий дворец, но пока построечка возводилась, купец разорился, а любимая супруга подалась в бега, и с кем – с оперным певцом, дававшим ей уроки!.. В общем, купил бедовый купчик на последние деньги револьвер, и в пустой гостиной, где на лепнине еще не высохла позолота, а из окон открывался вид на Волгу, раздался гулкий выстрел. Поговаривали, что призрак неудачливого купца показывается порой на втором этаже дома, пугая рожениц и молодых мамаш, а персонал уже привык к сложностям. Им и без привидения хлопот доставало – роддом то и дело закрывали после очередного скандального происшествия. То санитарная инспекция встретит в коридоре крысу размером с новорожденного, то стафилококковая инфекция одолеет разом всех младенчиков, то батарея отопления лопнет и зальет кипятком предродовое отделение... Может, это дух купца гадил? Да ведь ему-то никакой пользы – роддом потом открывали опять.

Вадиму было жаль Галку, но подавать голос и требовать возить ее куда-то в другое место он, по понятным причинам, не стал. Да его мнения и не спрашивали, даже не предложили ехать вместе с роженицей.

– Не беспокойтесь, папаша, домчим в сохранности, – бросила ему на бегу насквозь прокуренная, лихая фельдшерица.

Он уехал домой, а поздно вечером, как вор, прокрался к телефону, висевшему в прихожей. Был час, когда Римма, говоря ее языком, «общалась с прекрасным», а словами зятя, «заводила волну», то есть слушала классическую музыку. Сейчас из-за плотно прикрытых дверей ее комнаты неслись мощные органные аккорды, значит, можно было звонить спокойно.

Усталый женский голос, пробившись сквозь помехи, сказал Вадиму, что Родионова родила девочку, четыре килограмма, и мать, и новорожденная чувствуют себя отлично.

Через неделю Вадим подъехал на такси к «Варламовке». Галина, удивительно похудевшая и похорошевшая, быстро сбежала по ступенькам крыльца, держа на руках объемистый сверток.

«Как кошка!» – подумал Вадим. Он, по сути, остался деревенским парнем, и ему приятно было, что Галина такая здоровая и выносливая, что она так легко опросталась, словно баба на меже, что девка родилась аж на четыре кило. Знай наших! Вот Анютка что-то под-

качала. Какой месяц в больнице, доктора сначала пугали выкидышем, теперь грозят кесаревым...

– Поднимешься, посмотришь на девочку? – тихо спросила Галина, когда машина затормозила возле ее подъезда.

– Отчего же нет, – согласился Вадим.

Он поднялся и посмотрел на дочь. Она была пухленькая, бело-розовая, как дорогая клубничная пастила, и не плакала, а Вадиму казалось, что все дети ревут не переставая! Она захныкала, только когда захотела есть, и Галина, не стесняясь, расстегнула пуговицы на своей блузке и дала малышке грудь. Уже не девичья была у нее грудь, а женская, туго налитая, с темно-коричневым соском, который девочка жадно ухватила ротиком. Внезапно Вадим подумал, что понимает, отчего художники вечно рисовали Мадонн с младенцами. Что-то есть в этом, даже в самой обычной бабе, вот как в Галке, например, начинает брезжить тайна, и глаза у нее светятся небесной синевой... Расчувствовавшись, он внезапно для себя поцеловал Галку в губы и быстро ушел, чтобы не натворить еще больших глупостей.

Но дело было сделано. Толстенькая, розовенькая малышка, дочь, не шла у него из головы, к тому же Галка назвала девочку Дашей, рассчитывая то ли призвать на нее незримое покровительство покойной хозяйки квартиры, то ли смягчить сердце Вадима, который был привязан к тетке... Как бы то ни было, расчет оправдался.

У Анны же дела обстояли хуже. Вадим опасался даже ходить в больницу, каждый раз в разговорах врачей ему слышалась все более близкая угроза – его готовили к мысли, что ребенка сохранить не получится, все чаще звучали слова: «вы так молоды, у вас еще будут детки». Но все же решились рискнуть, и сделали Анне кесарево сечение, и достали из ее конусообразного аккуратного животика мальчишку, пусть и недоношенного, но все же пацана! Он был очень маленький и сморщенный, как старичок, он не мог сам сосать и не плакал басовито, как полагается, а тихо, по-стариковски же хныкал, словно жаловался на свою слабость... Но все равно, это был мальчишка, сын. Сын! Вадим был счастлив, хотя у него начались действительно тяжелые времена. То все были цветочки, а вот теперь пошли ягодки! Анну наконец-то выписали из больницы, а мальчика оставили, и к нему Вадим продолжал ездить, возить молоко, сцеженное женой. Вадиму казалось, что это будет длиться бесконечно, что его сын уже долгие годы прикован к постели... Но однажды его все же решили забрать домой, потому что жизнь мальчика отныне была вне опасности.

Родители были вне себя от счастья, но счастье их оказалось трудным. Анна, нервная и издерганная после долгого заключения в больничной палате, после всех опасностей, что грозили ей и ее ребенку, не справлялась с сыном, боялась взять его на руки, боялась ему повредить, слушала его слабый плач и сама плакала вместе с ним. Римма, что бы она ни говорила раньше, помогала дочери мало, придерживалась своего прежнего образа жизни, только «общалась с прекрасным» теперь чаще, причем в наушниках. Зато настояла на том, чтобы мальчика называли Сережей «в честь его прадеда, моего отца». Ну что ж, Сергей так Сергей, имя не хуже прочих.

Вадим старался помогать жене, но ему нужно было зарабатывать деньги, да и потом, не мог же он кормить ребенка грудью при всем своем желании! Вскоре у Анны кончилось молоко, и это неожиданно принесло всем облегчение. Вадим достал ящик детского питания – самое лучшее, французское! – оно Сереже понравилось гораздо больше, чем мамкина вкусная сиська, пацан стал поспокойнее и даже поправляться начал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.